

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М98

Guillaume Musso
QUE SERAIS-JE SANS TOI?

Copyright © XO Editions, 2009. All rights reserved.

Перевод с французского *Галины Шариковой*

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении обложки использована фотография:
Geribody / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

Фото автора на 4-й странице –
G.MUSSO © Emanuele Scorcelletti-Photo12.com

Мюссо, Гийом.

М98 Я не могу без тебя / Гийом Мюссо ; [перевод с французского Г. Шариковой]. – Москва : Эксмо, 2020. – 352 с. – (Поединок с судьбой. Проза Г. Мюссо и Т. Коэна).

ISBN 978-5-04-114089-2

Судьба порой играет с нами, отнимая то, что мы больше всего ценим. И только спустя годы мы понимаем, что потери нужны для того, чтобы больше ценить мгновения, проведенные с теми, кого мы любим.

Когда-то давно полицейский Мартен Бомон был влюблен в девушку по имени Габриель. Но она исчезла из его жизни, и он был уверен, что навсегда. Теперь у него не осталось ничего, кроме работы. Мартен настоящий профи в своем деле, и найти дерзкого преступника Арчибальда Маклейна для него дело чести.

Изучая личное дело преступника, Мартен делает открытие, которое все меняет: у них с Маклейном много общего, и прежде всего – отнятая любовь. Но самое главное – они любят одну и ту же женщину, только по-разному...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Шарикова Г., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114089-2

Эта история написана под впечатлением мучительного очарования той зимы...

Холодной рассудочности я всегда предпочитал безрассудную страсть.

Анатоль Франс

Нам всем оно знакомо...

Одиночество, что иногда нападает и гложет нас изнутри.

Оно нарушает сон, а иногда может испортить нам хорошее утро.

*Это – грусть первого школьного дня после каникул,
Когда он обнимается с самой красивой девочкой во дворе перед школой.*

Это – аэропорт Орли или Западный вокзал, когда любви приходит конец.

Это – дитя, которое никогда не станет нашим общим ребенком.

Со мной такое бывало.

Однажды это может случиться и с вами.

Но порой достаточно одной лишь встречи...

–1–

Тем летом...

Первая любовь, она же всегда
и последняя.

Тагар Бен Желлун

*Сан-Франциско, Калифорния
Лето 1995 года*

ГАБРИЕЛЬ, 20 ЛЕТ.

Она американка, студентка третьего курса университета в Беркли.

Этим летом часто ходит в светлых джинсах, белой рубашке и кожаной приталенной курточке. Длинные прямые волосы, зеленые глаза с золотистыми искорками. Она напоминает Франсуазу Арди с фотографии Жана-Мари Перье, сделанной в 60-х годах.

В те времена Габриель проводит дни то в библиотеке университетского кампуса, то в казармах на Калифорния-стрит, где служит волонтером в пожарной охране. Этим летом ее ожидает первая настоящая любовь.

МАРТЕН, 21 ГОД.

Француз, недавно окончил Сорбонну и получил диплом по праву.

Этим летом в одиночку отправился в Америку, чтобы познакомиться со страной и довести до совершенства свой английский. В кармане у него ни цента, он соглашается на любую работу, вкальывая по семьдесят часов в неделю официантом, продавцом мороженого, садовником...

Этим летом его вьющиеся черные волосы до плеч придают Мартену сходство с молодым Аль-Пачино.

Тем летом ему предстоит пережить свою последнюю настоящую любовь.

*Кафетерий
в университетском городке
в Беркли*

— Эй, Габриель, тебе письмо!

Сидящая за столиком девушка поднимает голову.

— Что?

— Тебе письмо, красотка! — объясняет Карлитто, управляющий заведением, и кладет конверт нежно-кремового цвета рядом с чашкой чая.

Габриель нахмурилась:

— Письмо? От кого?

— От Мартена, молодого французика. Он уже уволился, но утром специально зашел, чтобы оставить это для тебя.

Габриель смотрит на конверт и засовывает его в карман, перед тем как уйти из кафе.

Огромное здание университетского кампуса с башенкой на крыше утопает в зелени, купаясь в атмосфере жаркого летнего дня. Габриель долго идет по парку вдоль одной аллеи, потом по другой, прежде чем ей удастся найти пустую скамейку.

Я не могу без тебя

Укрывшись в тени столетних деревьев, она открывает конверт и достает письмо, обуреваемая одновременно и любопытством, и дурными предчувствиями.

26 августа 1995 г.

Дорогая Габриель!

Хочу сказать тебе, что завтра возвращаюсь во Францию.

Ничто из моего пребывания в Калифорнии не стоит тех нескольких мгновений, что мы провели вместе в кафе, болтая о книгах, о кино, о музыке и о том, как сделать мир лучше. Как часто я представлял себя персонажем какого-нибудь фильма. Потому что в кино или в романе герой, не такой неуклюжий, как я, сумел бы объяснить героине, что она ему действительно нравится, ему с ней безумно интересно и, глядя на нее, он испытывает особое чувство. Нежность и необъяснимую грусть. Волнующее ощущение душевной близости и удивительной гармонии. Нечто настолько редкое и необычное, что он никогда раньше не испытывал и даже не думал, что такое бывает.

Однажды, когда дождь внезапно нас застиг в парке, и мы нашли укрытие под козырьком у входа в институтскую библиотеку, я почувствовал, как и ты, наверное, смятение и взаимное притяжение. Тогда оно смутило нас обоих.

В тот день мы чуть было не поцеловались. Но я не осмелился сделать шаг навстречу, поскольку вспомнил о том парне. Помнишь, ты мне рассказывала о нем? Ты познакомилась с ним в Европе на каникулах и с тех пор дала себе слово хранить ему верность. Я не хотел выглядеть в твоих глазах обычным типом «как

и все остальные», которые кажутся к девушкам просто так, от нечего делать, без чувств и должного уважения.

Однако я уверен, что если бы мы тогда поцеловались, все было бы хорошо! Не важно, какая была погода, дождь или яркое солнце, главное, что я был в тебе уверен, а остальное не имело значения. Я знаю, что потом долгое время этот поцелуй сопровождал бы меня повсюду, как луч солнца, как светлое воспоминание, за которое можно уцепиться в минуты мрачного одиночества. Но многие считают, что самые прекрасные истории любви не могут длиться долго. Если это действительно так, то пламенные поцелуи – те, которые не состоялись...

Я смотрю на тебя, и со мной происходит то же, что в кино, когда из двадцати четырех кадров в секунду первые двадцать три – лучезарные, светлые, радостные, а двадцать четвертый преисполнен томящей грусти, и это никак не вяжется с лучистым сиянием, льющимся из тебя. Это мгновение двадцать четвертого кадра успеваешь уловить лишь на уровне подсознания, как трещинку на стекле, которую замечаешь, когда на нее падает свет. Эта щербинка говорит о тебе больше, чем полный перечень твоих достоинств и талантов. Много раз я спрашивал себя, что заставляет тебя грустить? Много раз надеялся, что ты сама расскажешь мне об этом, но ты этого так и не сделала.

Я хочу, чтобы ты берегла себя. Не позволяй меланхолии поселиться в твоей душе, не дай двадцать четвертому кадру одержать победу. Не демоны должны торжествовать, а ангелы. Пусть так и будет!

Я не могу без тебя

Хочу, чтобы ты знала: я тоже считаю, что ты – замечательная девушка. Тебе об этом напоминают сто раз в день, и я такой же, как и все остальные.

Я никогда не забуду тебя.

Мартен.

Габриель отрывает глаза от письма и поднимает голову. Ее сердце часто колотится в груди: такого она не ожидала.

С первых строчек Габриель поняла, что это не простое письмо. Их знакомство – особый случай, но она не готова была смотреть на него под таким углом зрения. Габриель оглядывается, чтобы удостовериться, что никого нет рядом. Она боится, что лицо выдаст ее эмоции. Чувствуя, что слезы подступают к глазам, она принимает решение уехать из кампуса и спускается в метро, чтобы отправиться в центр Сан-Франциско. Сначала хочет подольше побыть в библиотеке, но быстро понимает, что в подобном состоянии просто не может работать.

Сидя в вагоне поезда у окна, Габриель прислушивается к себе, переживая еще раз удивление, которое испытала, получив письмо, и мучительное наслаждение, растревожившее душу, пока она его читала. Не каждый день она получает подобные послания. И уж тем более не каждый день кого-то интересует ее индивидуальность гораздо больше, чем все остальное.

Все считают Габриель сильной личностью, общительной и вполне социально устойчивой, а на самом деле она – девушка хрупкая и запугавшаяся в своих противоречивых переживаниях. Молодые люди, с которыми она общается много лет, никогда не об-

ращают внимания на ее душевные страдания, а вот он всего-то за несколько недель знакомства сумел увидеть тайну в ее душе и даже о чем-то догадался.

Тем летом калифорнийский берег просто плавился от жары, солнце не пощадило и Сан-Франциско, несмотря на его особый микроклимат. Пассажиры в метро, казалось, оцепенели и двигались очень медленно, будто пьяные от жары. Но Габриель была далека от действительности, она вдруг ощутила, что погрузилась в Средневековье и почувствовала себя дамой рыцарской эпохи. Той самой эпохи, когда только наметились контуры отношений, которые позже назовут куртуазной любовью. Великий Кретьен де Труа отправил ей послание и намеревался превратить дружеские отношения...

Она перечитывала письмо, ощущая и благость в душе, и боль.

Нет, Мартен Бомон, ты совсем не такой, как все...

Она опять читает эти строчки и то возносится на седьмое небо, то падает в бездну отчаяния, испытывая странное смятение — настолько странное, что даже пропускает свою остановку. Ну вот, теперь придется опять потолкаться в духоте, чтобы вернуться наконец к себе домой.

Браво, героиня, *well done!*

На следующий день

9 часов утра

Аэропорт в Сан-Франциско

Капает дождь.

Еще не до конца проснувшись, Мартен с усилием подавляет желание зевнуть во весь рот и, чтобы не

упасть, цепляется за перила в автобусе, когда его немного заносит на повороте.

На нем куртка из молескина¹, дырявые джинсы, истоптанные кроссовки и старая майка с изображением какой-то рок-группы, кажется, с Куртом Кобейном, кумиром молодежи тем летом.

Голова переполнена воспоминаниями о двух месяцах, что он провел в Соединенных Штатах. Перед глазами мелькают лица, сцены, в сердце звучат отголоски пережитого. Калифорния отдалила его от Эври, от парижского предместья. В начале лета Мартен собирался подать документы на конкурс в полицию, но после кочевой жизни вечного странника его планы изменились. В стране, где жизнь сурова, как, впрочем, и повсюду, но где люди не теряют надежды, что их мечты могут осуществиться, в его душе проснулся бродяга-мечтатель из захолустного городка.

Мечта заключалась в том, чтобы сочинять рассказы: описывать истории, которые могут произойти с каждым, — про обыкновенных людей, попадающих в необыкновенные ситуации. Потому что Мартен скучал от банальной реальности, и рядом с ним всегда присутствовало нечто необычное, феерическое. С малых лет любимые герои часто избавляли его от страданий, утешали, спасали от разочарований. Они питали воображение Мартена и обостряли чувства настолько, что научили наконец видеть жизнь под таким углом зрения, что она становилась более-менее сносной.

¹ Плотная хлопчатобумажная ткань особой выделки, под кожу. — *Прим. пер.*

Рейсовый автобус от Пауэлл-стрит до аэропорта высаживает пассажиров около терминала международных рейсов. Мартен достает свою гитару с багажной полки и выходит последним, нагруженный вещами, как выучный осел. Проверив в кармане, на месте ли билеты, он вздыхает и оглядывается, пытаясь сориентироваться в бестолковой суете аэровокзала.

Он не сразу замечает ее.

Габриель остановила машину во втором ряду и даже не заглушила мотор. Она промокла под дождем. Замерзла и дрожит. Они узнают друг друга. Они устремляются навстречу друг другу. Обнимаются крепко-крепко, и их сердца бьются так часто, словно это случилось у них в первый раз и они пока еще верят в лучшее.

Потом Габриель улыбнулась и лукаво спрашивает его:

— Ну что, Мартен Бомон, ты действительно думаешь, что самый пламенный поцелуй — тот, что не состоялся?

Они опять обнимаются, их губы встречаются, дыхание соединяется, мокрые волосы переплетаются. Мартен прижимает к себе ее голову, она гладит его по щеке. Второпях они лепечут какие-то неловкие слова любви.

Она просит:

— Не уезжай! Побудь еще!

Не уезжай!

Тогда он не знал, но ничего лучше этой минуты в его жизни больше не будет. Ничего более чистого, светлого, радостного, чем сияющие зеленые гла-

за Габриель, блестящие от дождя в то утро, тем летом.

И ее умоляющий голос: «Не уезжай!»

Сан-Франциско

28 августа – 7 сентября 1995

Доплатив сто долларов, Мартену удалось отложить дату отъезда. Этой суммы хватило на то, чтобы остаться в Штатах на десять дней. Десять дней, ставших самыми главными в его жизни.

Они любят друг друга: в книжных лавках на улицах Беркли, где до сих пор витает богемный дух; в кинотеатре на Рид-стрит, где смотрят фильм «Покидая Лас-Вегас», но не находят в нем ничего примечательного, настолько они поглощены поцелуями и ласками; в маленьком ресторанчике перед огромным гамбургером с ананасами по-гавайски и бутылкой «Сонома».

Они любят друг друга. Дурачатся, как сумасшедшие, веселятся, как дети, бегая по пляжу, крепко держась за руки.

Они любят друг друга.

В комнате в общежитии Мартен исполняет для Габриель на гитаре песню Жака Бреля «La valse à mille temps» в оригинальной версии. Она танцует для него, сначала вяло, словно нехотя, потом быстрее, кружась в вихре вальса, простирая руки, раскрыв ладони навстречу солнцу, как вертящийся дervish. Он откладывает гитару в сторону, чтобы вместе с Габриель погрузиться в транс. Они кружатся, обнявшись, пока не падают на пол и... опять любят друг друга.